

Рассадин К.

1964

НА СЦЕНЕ — МОЛОДЫЕ

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ИСКАТЕЛЬ!

ВЫПУСК учащихся Ленинградского хореографического училища имени А. Я. Вагановой в 1956 году имел одну особенность: педагогом мужского выпускного класса являлась заслуженный деятель искусств РСФСР Ф. И. Балабина. Среди ее учеников был Константин Рассадин, одаренный юноша с талантом яркого характерного танцовщика.

Но путь его на сцену начался не в 1956-м. Костя полюбил танец еще с детства. Его мать была представительницей того «великого труженика», который в театре скромно зовется кордебалетом. И, наверное, именно мать привила сыну любовь к трудному и прекрасному искусству танца. С возрастом у паренька не возникло обычного вопроса: «Кем быть?» Ну, конечно же, артистом балета. Быстро летели школьные годы, но уже тогда, в беззаботную, казалось бы, пору юности, Костя внимательно и вдумчиво относился к будущей профессии. «Он всегда хотел осмысливать любое движение по-своему, придать ему характер, своеобразие», — вспоминает Фея Ивановна Балабина.

Это стремление искать, искать и находить окрепло, когда К. Рассадина приняли в одну из лучших балетных трупп мира. И вот — сцена Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, а на ней — залитая солнцем площадь средневекового испанского городка. Нестрая толпа веселится и танцует. Внимание всех привлекает стройная фигура Эспады, жизнерадостного и веселого баловня, общего любимца. Роль Эспады в балете «Дон-Кихот» была нелегким испытанием для молодого танцовщика. Казалось бы, что нового можно сказать в этой партии после такого прославленного ее исполнителя, как Роберт Гербен? Но К. Рассадин танцует по-своему. Его Эспада словно весь состоит из переливающихся, «играющих» мускулов, пластина роли — мягкая, певучая; красавец-тореадор двигается чуть замедленно, словно сам внутренне любуется своей красотой и элегантностью. Но вдруг кошачья, вирчавая поступь сменяется резким прыжком, стремительным бегом... С ярким темпера-

ментом артист рассказывает нам о затаенных глубоких чувствах Эспады...

В спектаклях «испанского» репертуара молодой танцовщик исполнил пламенный панадерос из «Раймонды», изящный и лирический танец с кастаньетами из «Лауренции». Но артиста привлекали и другие роли, где строгость классической формы смело переплеталась с необычностью хореографического рисунка, а порой и гротеском.

«Полишинель. Кукла с человеческим сердцем, трепетно бьющимся на глазах жестокой, гогочущей толпы». К. Рассадин мастерски сочетает в этом образе классику с резкими буффонадными движениями паяца. Но, когда актер отнимает руки от лица, сквозь неживую маску словно прорывается человеческий крик, полный боли и отчаяния.

А вот совершенно иной образ, полный остротатирического звучания. — Подхалим, мелкая, угодливая душонка, готовая льстить и лгать когда угодно. К. Рассадин не жалеет красок для своего «ге-

ря», он раскрывает его, не боясь острых гротесковых приемов.

И еще об одной роли, тоже «публицистической». Когда состоялась премьера поставленного Л. Якобсоном балета «Клоп», и театральная пресса, и зрители много говорили о ярком, талантливом исполнении К. Рассадина роли Присыпкина. Вспомните ее. На огромном «матрацном» поле появляется этот выродок. Мелкими шажками, не разгибая спины, пересекает пространство сцены, останавливается, тупо озираясь вокруг... Так мы знакомимся с Присыпкиным. А в следующей сцене он совершенно другой — чванливый, распоясавшийся мещанин, соблазненный «парикмахерскими» красотами Эльзы-виры, жестокий полуучеловек, беспощадно топчущий искреннее чувство Зои Березиной.

Талант К. Рассадина обладает еще одним (необходимым каждому дарованию) качеством — безупречным чувством меры. Даже в сатирическом плакате актер не шаржирует, не переступает границ подлинно реалистического искусства, не скатывается до дешевой пантомими.

Но, пожалуй, никто так не знает «пробелов» и недостатков в творчестве одаренного танцовщика, как он сам. Сколько еще надо учиться! У актера много помощников — это и томики стихов Лермонтова, Лорки, Хьюза, и записи концертов из произведений Шопена и Гершвина, и книги о мастерах советского и западноевропейского танца. Константин убежден: творчество — это прежде всего поиск. Размышления о том, что нужно сказать зрителю; часы раздумий над каждой позой, неистом, поворотом головы; сотни фотографий и репродукций, которые не просмотрел, а изучил артист... Только так можно работать, только поиск дает возможность создать образ яркий, запоминающийся, доходящий до сердца того, кто сидит в зрительном зале...

С ЧАСТЛИВОГО творческого пути тебе, искатель!

И. ВАСИЛЬЕВ

НА СНИМКЕ: К. Рассадин в роли Присыпкина.

